

Т.К. Алланиязов, К.Н. Балтабаева
ЭССЕ НА ТЕМУ: КОНДРАШИН VS КУЛЬЧИЦКИЙ:
ВЗГЛЯД ИЗ КАЗАХСТАНА

В российской и украинской исторической литературе, посвященной проблеме голода, заметный след оставили исследования и публикации В. В. Кондрашина¹ и его оппонента С.В. Кульчицкого.²

Поскольку отмеченные выше исследователи в той или иной мере апеллировали и к документам, отражающим проблемы «Ашаршылыка» в Казахской АССР, постольку представляется возможным осуществить критический разбор подходов российской и украинской сторон к про-

блематике голода в СССР в период 1929–1934 гг. Несмотря на то, что с момента названных выше исследований и публикаций прошло более десяти лет, тема «голодной» смерти, по-прежнему, актуальна, особенно для Казахстана, где только недавно – 2023 год – был завершен грандиозный проект – публикация 10-ти томного сборника документов «Ашаршылык».³ А на следующий год с предисловием В. В. Кондрашина научной общественности был представлен подготовленный учеными России и Казахстана новый сборник документов «Голод в России и Казахстане. 1927–1937» в двух томах.⁴

Для современного Казахстана переосмысление Ашаршылыка – это часть процесса выхода из пут и тени советской идеологии. Спор В.В. Кондрашина и С. В. Кульчицкого олицетворяет борьбу между «центростремительным» (всесоюзным) и «национально-центричным» взглядами на трагедию народов, в то время проживавших в одной стране – Советском Союзе.

Тема актуальна, так как до сих пор продолжается ввод в научный оборот новых документов (особенно из Специальных государственных архивов силовых структур – КНБ РК и МВД РК), которые позволяют проверить аргументы историков на прочность.

¹ Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. / Отв. сост. В.В. Кондрашин. – М.: МФД, 2011–2013. (Фундаментальное издание, ставшее объектом основной дискуссии). Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000–2012. (В. Кондрашин принимал участие в подготовке томов по 1930-м гг.). Монографии: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008. (Ключевая работа, обосновывающая тезис об общности трагедии); Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки: на пути к голоду. – Пенза, 2014.

² Кульчицкий С. В. Голодомор 1932–1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення. – Київ: Наш час, 2007. (Базовая работа по юридической и политической квалификации голода); Кульчицкий С. В. Червоний виклик. Історія комунізму в Україні від його народження до загибелі: в 3-х кн. – Київ: Темпора, 2013; Кульчицкий С.В. Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский Голодомор // День. – 2005. (Серия статей, в которых полемика с российскими историками представлена наиболее остро); Кульчицкий С. В. Голод 1932–1933 рр. в Україні у світлі нововиявлених документів ЦК ВКП (б) // Український історичний журнал. – 2012. – №1. (Критическая рецензия на сборник под редакцией В. Кондрашина, которая строится на анализе того, как документы интерпретируют причины и масштабы трагедии. Содержит прямую критику российских коллег в «архивном камуфляже» – использовании подлинных документов для сокрытия специфики украинской ситуации.

³ Ашаршылык. Голод. 1928-1934. Документальная хроника. Сб. док. В 10 т. / Отв. редактор Б. Әбдіғаліұлы. Т. 1–3. – Алматы: Атамұра, 2021, Т.4-5. – Нур-Султан: Фолиант, 2021; Отв. редактор 6–10 томов Е. Б. Сыдыков. – Алматы, 2023.

⁴ Голод в России и Казахстане. 1927–1937: Сб. док. В 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов; отв. сост.: В. В. Кондрашин, М. Г. Жылысбаева; предисл. В. В. Кондрашина. – М.: Кучково поле Музеон, 2024. – Т. 1: Начало общей трагедии. 1927–1931. – 1160 с.; – Т. 2: Кульминация трагедии. Выход из голода. 1932–1934. – 920 с.

В эпоху постправды вопрос о том, были ли голод «общесоюзной трагедией» (позиция В.В. Кондрашина) или «целенаправленным геноцидом/этноцидом» (ближе к вектору С.В. Кульчицкого), становится инструментом геополитики.⁵

Необходимость осуществляемого нами анализа вытекает из следующих моментов.

1. Поиск «казахстанского пути»: анализ этих двух полюсов (российского и украинского) помогает сформулировать собственную, казахстанскую академическую позицию, которая учитывает специфику кочевого хозяйства, не впадая в крайности.

2. Восстановление исторической справедливости: сравнение их взглядов дает возможность подчеркнуть масштаб катастрофы в Казахстане, которая по проценту потерь от общего числа жителей республики превзошла другие регионы, что часто нивелируется в рамках «общесоюзного» подхода.

3. Предупреждение радикализма: научное сопоставление цитат, а не эмоциональных лозунгов, будет по нашему твердому убеждению способствовать формированию объективной исторической памяти, свободной от политических спекуляций.

***

Начнем с того, что сборник «Голод в СССР. 1929–1934» (отв. сост. В. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011–2013.) являет собой масштабный международный проект (Россия, Украина, Казахстан, США, Австралия). Основная цель составителей: показать голод как общесоюзную трагедию, вызванную системным кризисом сталинской политики модернизации, сделав особый акцент на региональные (Поволжье, Урал, Сибирь, Казахская АССР) особенности голода.

Характеризуя сборник документов отметим, во-первых, его археографическую ценность, которая заключается в введении в научный оборот новых архивных пластов: документов ОГПУ СССР, Политбюро ЦК ВКП (б), местных орга-

⁵ См.: Кондрашин В. В. Современная историография голода начала 1930-х гг. в России и Казахстане: обзор литературы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 43–61; Корнилов Г. Е. Голод в Казахской АССР в 1930-е годы: историографический дрейф // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 1. С. 99–121.

нов власти; во-вторых, тематическое разнообразие проблем, зафиксированных в публикуемых документах: от демографии до стратегий выживания крестьян; в-третьих, концептуальную новизну: сборник вводит в оборот документы, которые доказывают, что голод не ограничивался территорией Украины, а охватывал Поволжье, Северный Кавказ, Центральное Черноземье, Урал и Казахстан. Последнее самым существенным образом подкрепляет тезис составителя об «общности трагедии». Этот тезис подчеркивает общесоюзный масштаб трагедии, который до сих пор является важным аргументом в дискуссиях о причинах голода.

Сильные стороны сборника – это, во-первых, доказательная база: опубликованные документы (переписка Сталина с Кагановичем, сводки ОГПУ) наглядно показывают механизм хлебозаготовок как основную причину нехватки продовольствия; во-вторых, демографический анализ: материалы С. Уиткрофта и В. Жиромской в рамках проекта ставят под сомнение теорию о полном развале системы учета смертности, что позволяет более точно оценить число жертв (около 3,5 млн в РСФСР и УССР, в Казахской АССР от 1 млн⁶ до 1,5 млн⁷ в 1931–1933 г.).

Касааясь критики оппонентов позиций В.В. Кондрашина, следует выделить ряд моментов.

Первый связан с обвинениями в политической ангажированности: исследователи (особенно зарубежные и украинские) критикуют работу за стремление нивелировать специфику голода на Украине (Голодомора) через контекст общесоюзной катастрофы. Составителей трехтомника обвиняют в «размывании» уникальности Голодомора через контекст голода в РСФСР и Казахстане. При этом критики, посредством оценки документов о блокировании границ Украины и Кубани, общей трагедии противопоставляют региональную специфику.

Второй момент связан с так называемыми «демографическими спорами», когда идет кри-

⁶ Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934. – М., 2013. – Т. 3. – С. 767.

⁷ Piaciola N. Famine in the steppe. The collectivization of agriculture and the Kazak herdsmen 1928–1934 // Cahiers du monde russe. – 2004. – Vol. 45. No. 1–2. P. 137–192; Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в в Казахстане. – М., 2017. С. 226.

тика данных С. Уиткрофта⁸ и В. Жиромской⁹ о численности жертв (тезис о «работоспособности» системы ЗАГС в 1933 году).

Третий момент связан с проблемой ответственности. В рецензиях часто отмечается, что, несмотря на обилие документов о жестокости властей, составитель (В. В. Кондрашин) склонен трактовать голод как результат «системного кризиса управления» и «халатности», а не как осознанный акт террора против крестьянства в целом.

Четвертый момент связан с проблемой избирательности составителей: оппоненты указывают на возможную недооценку документов, свидетельствующих о специфических мерах изоляции и наказания отдельных регионов (например, системы «черных досок»), что могло бы изменить оценку намерений власти.

Подкрепим названные моменты посредством подбора некоторых цитат оппонентов и составителей.

Так, критика главного оппонента В. В. Кондрашина по вопросу Голодомора С. В. Кульчицкого (Украина) направлена на концепцию «общей трагедии»: «Российские историки пытаются доказать, что голод был везде одинаковым. Но документы показывают: только на Украине и Кубани применялись методы, превращавшие голод в террор – конфискация всех запасов еды, а не только зерна» (смысловой перевод позиции).

⁸ Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2011. (Фундаментальный экономический анализ, который В. В. Кондрашин часто использует для подтверждения тезиса о кризисе управления).

⁹ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. – М.: Эксмо, 2001. (Статистическая база, на которую опираются сторонники В. В. Кондрашина).

Историк пост-ревизионистской школы США Марк Б. Таугер¹⁰ в отличие от украинских коллег, часто поддерживает тезис об объективных причинах (неурожай, вредители), вместе с тем критикует Виктора Кондрашина за неполноту учета аграрных факторов: «В 1932 году имел место катастрофический недород, вызванный комплексом природных факторов и болезней растений, что В. Кондрашин и коллеги иногда недооценивают, делая упор исключительно на политику хлебозаготовок».

Ответом на критику является позиция российского ученого, зафиксированная в Предисловиях к томам: «Публикуемые документы... ставят под сомнение точку зрения о развале системы учета населения... имеющиеся данные позволяют назвать наиболее реальные цифры жертв: для Украины и российских регионов – это 3,5 млн человек».

В поддержку позиции В. В. Кондрашина Р. Уиткрофт и В. Б. Жиромская, чей вклад часто становился объектом критики, утверждали, что «Система учета населения в годы первой пятилетки работала... данные позволяют опровергнуть спекулятивные цифры о 7–10 миллионах жертв».

Для наглядности приведем ссылки на конкретные архивные документы из сборника, которые чаще всего оспариваются критиками, а также сравнительную таблицу тезисов проф. Кондрашина и проф. Кульчицкого.

¹⁰ Таугер М. Голод, недород и сопротивление крестьянства. Сборник статей / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2020. (Марк Таугер – главный оппонент теории «искусственного голода», делающий упор на экологические факторы и болезни зерновых); Tauger Mark B. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931–1933. – Carleton University, 2001; Его же. Retrospective for Yale Agrarian Studies, 2014. URL: <https://agrarianstudies.macmillan.yale.edu/sites/default/files/files/papers/TaugerAgrarianStudies.pdf>.

Спорные архивные документы из сборника

Критики (особенно украинские) указывают, что составители иногда интерпретируют эти документы как «чрезвычайные меры», в то время как оппоненты видят в них «орудие геноцида».

Тип документа	Ссылка (примерная по томам)	Суть спора
Постановление о «черных досках»	Т. 2. Док. № 187 (Пост. ЦК КП (б) Украины от 6.12.1932)	Кондрашин видит в этом метод форсирования хлебозаготовок. Кульчицкий – метод физического уничтожения через полную блокаду сел.
Директива о запрете выезда крестьян	Т. 3. Док. № 74 (Директива ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 22.01.1933)	Самый спорный документ. Кондрашин подчеркивает, что она касалась и Кубани (РСФСР). Критики настаивают на этническом векторе (блокирование именно украинцев).
Постановление «О пяти колосках»	Т. 2. Док. № 82 (Закон от 7.08.1932)	Оценивается либо как защита госсобственности в условиях хаоса, либо как инструмент легализации убийства голодающих за попытку самосохранения.
Сводки ОГПУ о людоедстве	Т. 2 и Т. 3 (различные отчеты)	Кондрашин использует их для иллюстрации общего ужаса. Критики обвиняют в «усреднении»: якобы на Украине плотность случаев антропофагии была на порядок выше из-за изъятия не зерновой еды.

Сравнительная таблица: Кондрашин vs Кульчицкий

Тезис	Виктор Кондрашин (РФ)	Станислав Кульчицкий (Украина)
Природа голода	Общесоюзная трагедия. Результат форсированной индустриализации и сталинского аграрного курса.	Голодомор-геноцид. Сознательный удар по украинскому крестьянству как базе национализма.
Главная причина	Жестокая система хлебозаготовок и управленческая некомпетентность («ошибки»).	«Террор голодом»: изъятие всех запасов продовольствия (натуральные штрафы).
Роль Сталина	Сталин виноват как диктатор, но он не планировал уничтожение конкретных народов.	Сталин использовал голод как социальную инженерию для подавления Украины.
География	Поволжье, Кубань, Казахстан и Украина страдали в равной степени (пропорционально).	Ситуация на Украине качественно отличалась из-за блокады и изъятия не зерновых продуктов.
Оценка жертв	Склонен к нижним границам (ок. 7 млн всего по СССР), опираясь на данные ЗАГСов.	Настаивает на более высоких цифрах для Украины (до 3,9 млн только в УССР).

Как видно из данных, приведенных в таблицах, позиция В. В. Кондрашина: голод как результат «ошибок и перегибов», а не сознательного удара. Позиция С. В. Кульчицкого: «интенциональность (намеренность) властей» и геноцид. Если Кондрашин фокусируется на системных ошибках центра, то Кульчицкий предлагает иной вектор, принципиально важный для национальной памяти. Этот взгляд позволяет сместить акцент с «общего» на «частное», выделяя специфику удара по конкретным этносам.

Отсюда следует промежуточный вывод: основной конфликт вокруг сборника В. В. Кондра-

шина заключается в вопросе «Хотел ли Сталин убить этих людей или они просто стали побочным эффектом его политики?».

Здесь мы видим методологический разрыв: если для одного автора голод – это результат провала политики, то для другого – инструмент этой политики. Для Казахстана это различие не просто теоретический вопрос, а ключ к пониманию того, почему кочевое общество пострадало в таких беспрецедентных масштабах.

Сопоставление столь разных позиций – от «трагедии крестьянства» до «этноцида» – подводит нас к осознанию особой значимости

этой темы для современного Казахстана. Вне зависимости от академических разногласий, обе позиции доказывают: масштаб катастрофы требует не просто изучения фактов, а полноценной оценки ее последствий для будущего нации.

Возможно ли примирение позиций российского и украинского исследователей? Нам представляется возможным примирение позиций двух ученых через переход от политических споров к многоуровневому анализу трагедии, где региональная специфика не отрицает общность механизмов сталинского подавления.

Синтезируя обе точки зрения, следует признать ряд моментов.

Первый – «двухслойность» механизма голода. Можно согласиться с В. В. Кондрашиным в том, что первопричиной был общесоюзный кризис хлебозаготовок и догматизм центра. Однако это не исключает тезиса С. В. Кульчицкого о том, что в конкретных регионах (Украина, Кубань, Казахстан) этот кризис был намеренно использован властью как инструмент карательной политики против «саботажников» по этническому или территориальному признаку.

Второй – функциональность насилия. Позиции примиряет вывод о том, что для И. В. Сталина голод не был «ошибкой», но и не был «самоцелью». Он был инструментом. В Поволжье (РСФСР) этот инструмент использовался для слома сопротивления крестьянства как класса, а в Украинской ССР и на Кубани – дополнительно для пресечения «национального уклона». Таким образом, «террор голодом» (Кульчицкий) вписан в «системную трагедию деревни» (Кондрашин).

Третий – единый архивный контекст при разной интерпретации. Сборник документов под редакцией В. В. Кондрашина доказывает, что методы подавления («черные доски», запрет на выезд, изъятие не зернового продовольствия) применялись в разных регионах, но с разной степенью интенсивности.

Четвертый – примирение сторон лежит в признании иерархии репрессий. При общей бесчеловечности системы, интенсивность воздействия на украинское село и казахский аул имела свои уникальные и наиболее радикальные формы.

Пятый – отказ от цифрового фетишизма. Вместо споров о «трех или пяти миллионах», обе стороны могут сойтись на том, что официальная статистика того времени была деформирована,

а сверхсмертность в любом из указанных регионов является преступлением против человечности, независимо от того, имело ли оно юридические признаки геноцида или квалифицировалось как «преступная халатность государственного масштаба».

Итоговый вердикт: сборник документов «Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т.» – это фундамент, описывающий общую почву трагедии, на которой в разных республиках выросли свои, специфические формы государственного террора. Без контекста, представленного В. В. Кондрашиным, невозможно понять логику центра, а без акцентов С. В. Кульчицкого – глубину травмы конкретных народов.

***

Подводя финальную черту под рассмотренными выше спорами, следует сместить фокус с идеологического противостояния на масштаб самой катастрофы, объединяя обе историографические школы.

В конечном итоге, научная ценность сборника под редакцией В. В. Кондрашина заключается в том, что он выводит дискуссию о голоде из тупика политических дилемм в пространство доказательной истории. Спор между концепциями «общесоюзной трагедии» и «целенаправленного геноцида» во многом является спором об оптике: там, где один видит системный сбой государственной машины, перемалывающей крестьянство как класс, другой фиксирует точечный удар по национальной идентичности. Однако опубликованные документы убеждают в главном: какой бы ни была иерархия мотивов Кремля – этнической или классовой, – инструментом их реализации стал сознательно организованный антропологический триумф смерти. Сборник доказывает, что трагедии разных народов не конкурируют между собой, а дополняют общую картину государственного террора, в которой «черные доски» Украины, пустеющие хутора Поволжья и Ашаршылык в Казахстане являются лишь разными главами одного дела о преступлении против человечности. Признание этой сложности – единственный путь к подлинному историческому примирению, где точность архивного факта берет верх над политической конъюнктурой.

К сказанному добавим несколько ключевых аспектов – выводов, которые обычно упускаются в горячих политических спорах, но крайне важны для историка-архивиста.

1. Сборник документов обеспечил методологический прорыв: от «пропаганды» к «микроистории». Трехтомник впервые позволил уйти от обсуждения только «директив центра» к анализу низового уровня. Документы сборника (сводки ОГПУ, письма крестьян) показывают не только волю И. В. Сталина, но и поведение «низовых исполнителей» – местных активистов, казахских бельсенды, которые зачастую проявляли избыточную жестокость ради карьеры или из страха. Голод был не только спущен сверху, но и реализован руками тысяч людей на местах, что превращает его из чисто политического акта в глубокую социальную катастрофу и моральный коллапс общества.

2. Казахстанский «фактор» как аргумент против бинарного спора. Материалы по Казахстану (Ашаршылык) в сборнике фактически ломают дуэль между В. В. Кондрашиным и С. В. Кульчицким. Смертность в Казахстане была самой высокой в процентном отношении (около трети этноса), хотя там не было «украинского национализма» в понимании Генерального секретаря ЦК ВКП (б). Это доказывает, что доктрина кочевого и аграрного слома была первична, а этническая составляющая – вторична. Сборник демонстрирует, что система была готова жертвовать целыми народами ради экономической утопии, независимо от их географии.

3. Важный критический вывод – это проблема «архивного молчания» или указание на то, чего в документах нет. Критики (включая С. В. Кульчицкого) справедливо отмечают, что самые страшные распоряжения могли отдаваться устно или фиксироваться в документах, которые до сих пор засекречены в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ). Несмотря на фундаментальность 3-х томов документального сборника, они не являются «точкой» в расследовании. Сборник – это максимально честный, но все еще фрагментарный срез, ограниченный рамками доступности архивных фондов на момент публикации (2011–2013 гг.). О наблюдаемой фрагментарности предельно ярко свидетельствует публикация в Республике Казахстан в период 2021–2023 гг. 10-ти томного издания «Ашаршылык».

Таким образом, данный сборник документов ценен не как окончательный вердикт, а как инвентаризация национальной памяти. Он доказывает, что трагедия 1930-х годов – это не сумма изолированных региональных голодов, а единый механизм государственного насилия, ко-

торый в каждой республике адаптировался под местную специфику, оставляя после себя одинаково общие братские могилы.

***

В заключение обратим внимание на два существенных момента.

Первый. Дискуссия между Виктором Кондрашиным и Станиславом Кульчицким сегодня выходит за рамки чисто академического спора. Для Казахстана она актуальна как инструмент самоидентификации: в условиях деколонизации исторической памяти нам важно понять, был ли Ашаршылык фатальным порождением системы («общесоюзная трагедия», «общая трагедия народов России и Казахстана» по Кондрашину) или преднамеренным ударом по национальному укладу (логика Кульчицкого). В условиях современных информационных войн и борьбы за историческую правду, сопоставление этих двух полярных взглядов позволяет Казахстану выработать собственную позицию, не ограниченную рамками зарубежных идеологов.

Второй. Осуществленный нами анализ наглядно демонстрирует тот факт, что казахстанская трагедия третьего десятилетия XX века не может быть полностью объяснена ни чисто российским, ни чисто украинским подходом.

Анализ позиций В. В. Кондрашина и С. В. Кульчицкого подчеркивает особые обстоятельства и исключительный характер катастрофы и ее динамики в Казахстане, где процент смертности от общего числа жителей республики был выше, чем в любом другом регионе СССР, массовый характер также приобрело вынужденное бегство за пределы Казахской АССР и Союза (Иран, Афганистан, Китай, Монголия). Это сопоставление помогает нам отойти от эмоциональных спекуляций, завышенной статистики жертв голода в сторону доказательной истории, что критически важно для консолидации общества и признания Ашаршылыка самой многочисленной группы кочевников Советского Союза неоспоримым трагическим фактом, разрушительным событием национальной истории, требующим ещё глубокого изучения на основе новейшей источниковой базы. Учитывая огромную территорию республики и различные природно-климатические условия, необходимо географическое освещение голода, то есть изучение голода надо проводить по конкретным регионам и районам, а также продолжить поиск релевантных материалов органов ЗАГСа, налогового уче-

та хозяйств скотоводов и земледельцев, обратив особое внимание на документы районного звена для выявления различий в уровне смертности населения и вынужденной миграции. Необходимо также учесть хозяйственно-политические кампании голощекинского «Малого Октября», нанесшего серьезный удар по социальной структуре кочевого общества.¹¹ Разделяем также мнение исследователя из Италии Никколо Пианчола о том, что Кремль намеренно пожертвовал кочевым и сельским населением Казахской АССР, чтобы накормить в Союзе городское население, и в первую очередь – Москвы и Ленинграда и обеспечить тягловыми животными достаточно слабую систему коллективного хозяйства.¹² Как

свидетельствуют архивные документы, без участия советского государства, своей экономической политикой вызвавшего массовый голод и совершившее преступление против народа, самостоятельное выживание степняков было уже невозможным.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан проекта ИРН: BR24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

---

¹¹ *Wheatcroft S. G. The Complexity of the Kazakh Famine: Food Problems and Faulty Perceptions // Journal of Genocide Research. – 2020. – Vol. 23. – No. 4. – P. 1–5.*

¹² Пианчола Н. Сталинская «иерархия потребления» и Великий голод 1931–1933 гг. в Казахстане // *Ab Imperio. – 2018. – № 2. – С. 80–116. – С. 101.*